

И. Е. Суриков

ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА АТТИЧЕСКИХ ДЕМОВ В ПЕРИОД РАННЕЙ КЛАССИКИ (К постановке проблемы)*

В политической системе и политической жизни демократических Афин, начиная с реформ Клисфена, чрезвычайно важное место занимал дем (δημος)¹. Дем может быть определен, хотя и не без оговорок, с одной стороны, как административно-территориальный округ², а с другой – как локальная община³, естественно выросшая или искусственно созданная⁴. В че-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 03-06-80066.

¹ Важнейшие работы общего характера об афинских демах: *Eliot C.W. Coastal Demes of Attica. A Study of the Policy of Kleisthenes.* Toronto, 1962; *Osborne R. Demos. The Discovery of Classical Attika.* Camb., 1985; *Whitehead D. The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B.C.* Princeton, 1986.

² Необходимая оговорка заключается в следующем. Территориальный фактор был главным критерием при определении границ между демами только в момент первоначального формирования их системы при Клисфене. В дальнейшем же этот критерий стал весьма расплывчатым, поскольку на протяжении всей афинской истории последующих веков граждани являлся, как правило, членом не того дема, в котором он реально проживал, а того, к которому были приписаны его предки в момент клисфеновских преобразований. Иными словами, статика членства в деме сочеталась с динамикой различных миграционных процессов (переселения сельских жителей в город и др.), что со временем должно было порождать немалое количество несовпадений. Но в то же время нам представляется слишком категоричным и утверждение Р. Осборна, что демы «не имели физических границ как таковых» (*Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.–N.Y., 1996. P. 297*). Насколько можно судить, каждый дем все-таки устойчиво ассоциировался не только с группой граждан, но и с определенной территорией, где находились его общественные постройки, святилища, а также продолжало обитать – даже после всех демографических пертурбаций – большинство его членов.

³ *Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов.* М., 1995. С. 295: «δημος – территориальное и одновременно политическое понятие – обозначает разом и часть земель, и населяющий их народ». Ср. также *Надь Г. Греческая мифология и поэтика.* М., 2002. С. 356 слл. Это характерно для самых ранних периодов; в дальнейшем происходит определенная семантическая бифуркация первоначально синкретического термина, в результате чего выкристаллизовываются два уже не совпадающих значения: δημος (дем) как территориальная община и ο δημος (демос) как народ, гражданский коллектив полиса. Одним из побочных следствий такого положения вещей стало, кстати, широкое распространение в греческом мире личных имен с корнем δη-, причем уже в архаическую эпоху, когда о политическом, «демократическом» смысле подобного именованя вряд ли можно говорить (см. *Карпюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин.* М., 2003. С. 207). Следует полагать, что эти ранние антропони-мы коррелировали скорее с δημος, а не с ο δημος.

⁴ Аттические демы (и соответственно демотики – обозначения граждан по демам) зафиксированы в источниках еще до клисфеновских реформ: *Raubitschek A.E. Dedications from the Athenian Akropolis.* Camb. (Mass.), 1949. P. 467–468; *Jacoby F. Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens.* Oxf., 1949. P. 186 ff.; *Whitehead.* Op. cit. P. 5–16. Демами назывались в то время в Афинах, как и в других ионийских регионах, сельские общины (в дорийском мире применительно к тому же феномену был более употребителен термин «комы», см. *Arist. Poet. 1448a36*). Однако до конца эпохи архаики демы Аттики не составляли основу административного деления государства и, скорее всего, не охватывали его столицу – сам город Афины. Последнее стало плодом деятельности Клисфена. Понятно, что новые городские демы были общинами, созданными искусственно, по образцу демов сельских.

тырехчленной системе «дем – триттия – фила – полис» он являлся, говоря формально, низшим, так сказать, «первичным» звеном. Однако это его кажущееся низким положение не должно вводить в заблуждение. Для реального функционирования афинской демократии дем имел, пожалуй, большее значение, нежели фила или триттия. По своим ключевым параметрам это низшее звено, как ни парадоксально, в наибольшей степени приближалось к высшему, т.е. полису в целом. Дем, как и полис, в полной мере представлял собой политическое единство, чего нельзя сказать о промежуточных структурных единицах.

Клисефеновская фила уже в силу своего дисперсного характера в качестве такого единства выступать не могла. Филы выполняли определенные функции в политической системе (в частности по филам осуществлялись некоторые жеребьевки⁵, проводилось голосование во время остракизма⁶; на постаментах статуй героев-эпонимов фил на агоре вывешивались важные объявления⁷), но не более того. Интересно в частности, что выборы должностных лиц, как правило, не осуществлялись путем голосования по филам⁸. Здесь, кстати, выявляется значительное различие между функциями афинских фил и структурно аналогичных им римских триб. Эти последние как раз играли весьма значительную роль в процессе голосования в народном собрании⁹. Далее, деление на триттии в афинском полисе могло использоваться при комплектовании войска¹⁰, при распределении дежурящих в Толосе пританов по «сменам» (*Arist. Ath. pol.* 44. 1). Однако опять-таки о сколько-нибудь видном месте этих объединений демов в общественно-политической жизни говорить не приходится. Кстати, триттии тоже не всегда были едиными в территориальном отношении; известны случаи,

⁵ В частности, коллегия 9 архонтов (с секретарем) избиралась путем жеребьевки по филам (*Arist. Ath. pol.* 55. 1). Аналогичным образом обстояло дело с булевами – членами Совета Пятисот (*Arist. Ath. pol.* 43. 2), с некоторыми другими должностными лицами (*ibid.* 47. 1–2; 48. 1, 4; 53. 1). Более сложным путем, но тоже принимая за основу чередование фил, проводили жеребьевку диететов (*Arist. Ath. pol.* 53. 4).

⁶ На время остракофории часть агоры огораживалась деревянными досками, и в этом ограждении оставлялось десять входов, по числу клисефеновских фил (*Philochor. FGrHist.* 328. F 30; *Schol. Aristoph. Equ.* 855). Об этих входах см. *Raubitschek A.E. The Gates in the Agora // AJA.* 1956. 60. 3. P. 279–282.

⁷ Об этих статуях и их функциях см. *Mattusch C. The Eponymous Heroes; the Idea of Sculptural Groups // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 73–81.* Датировка статуй эпонимов второй половины IV в. до н.э. (*Knell H. Überlegungen zur öffentlicher Architektur des IV. Jahrhunderts in Athen // Die athenische Demokratie im IV. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 493*), очевидно, неверна, коль скоро одна из них (статуя Пандиона) упоминается уже у Аристофана (*Pax 1183 cum schol.*).

⁸ Правда, члены коллегии стратегов первоначально, сразу после клисефеновских реформ, выдвигались от фил (*Arist. Ath. pol.* 22. 2: ἐξ ἐκάστης φυλῆς ἕνα). Но, во-первых, выдвижение от фил и голосование по филам – не одно и то же. Голосовали по кандидатурам стратегов на заседаниях экклесии, т.е. совокупностью всего гражданского коллектива (о выборах в экклесии см. *Hansen M.H. The Athenian Assembly in the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 120–123*). Во-вторых, даже и практика выдвижения стратегов от фил была впоследствии оставлена (*Arist. Ath. pol.* 61. 1), причем произошло это, судя по всему, довольно рано, не позже времени Перикла (*Fornara Ch.W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P. 26; Сурков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 203*). М. Хансен без серьезных оснований относит эту реформу к середине IV в. до н.э. (*Hansen M.H. The Athenian Board of Generals // Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen. Aarhus, 1988. P. 69–70*), но такая датировка крайне маловероятна. Последняя общая работа о коллегии стратегов в Афинах: *Hamel D. Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.*

⁹ О трибунных комициях в Риме и проводившихся ими голосованиях см. *Staveley E.S. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972. P. 129 ff.*

¹⁰ См. наиболее подробно: *Siewert P. Die Trittyen Attikas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982.*

когда входившие в них демы даже не граничили друг с другом¹¹, что, естественно, препятствовало непосредственному общению членов триттии.

В противоположность всему этому политическая роль демов выступает весьма выпукло. Не говорим уже о том, что статус гражданина полиса обуславливался в первую очередь именно членством в деме, поскольку гражданские списки (ληξιαρχικὰ γραμματεῖα) велись по демам; о том, что демотик (т.е. обозначение принадлежности именно к дему, а не к триттии или филе) был неотъемлемым компонентом официального имени каждого афинянина¹². Еще важнее для нас в контексте данной работы то, что дем по своему устройству представлял почти точную копию полиса¹³, был, по сути дела, полисом в миниатюре. Кстати, тем самым Афины в целом парадоксальным образом приобретали некоторые черты федеративного государства, на что, кажется, еще не обращалось внимание. Дем обладал функционировавшим на постоянной основе штатом выборных магистратов во главе с демархом, наделенным довольно значительными полномочиями¹⁴. И самое главное – в демах регулярно созывались народные собрания (характерно называвшиеся δῆμοραί), на которых принимались псефисмы¹⁵, кипели такие же страсти, как и в «большой» экклесии¹⁶, и, таким образом, существовала своя политическая жизнь, развертывавшаяся параллельно общеполисной.

Более того, для изрядного числа граждан именно этот вид политической жизни был едва ли не единственным, в котором они могли регулярно участвовать. М. Хансен, наиболее детально в мировом антиковедении изучив вопросы, связанные с посещаемостью афинской экклесии¹⁷, пришел к ответственным выводам: примерно треть гражданского населения Аттики ввиду слишком большой удаленности своего места жительства от Афин вообще почти никогда не имела физической возможности участвовать в работе этого высшего органа власти в полисе, а еще треть могла делать это лишь спорадически. Таким образом, участие в общественных мероприятиях дема, в котором они жили, было для этих лиц главным способом проявить свою политическую активность. Можно сказать, что «политика» в рамках дема оказывалась для них даже важнее, чем политика на общегосударственном уровне; выборы де-

¹¹ Osborne. Greece in the Making... P. 301.

¹² Правда, изредка встречаются надписи, где отмечается принадлежность граждан к филам. Обычно это списки афинян, погибших в военных действиях. Одна из самых известных надписей такого рода (IG. I². 929) – перечень павших членов филы Эрехтеиды (ок. 460 г. до н.э.). Демотики в памятниках такого рода, напротив, не фигурируют.

¹³ Ср. Hurwit J.M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 278; Osborne R. The Demos and its Divisions in Classical Athens // The Greek City from Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 265 ff.

¹⁴ Лучшей краткой сводкой прерогатив демарха на русском языке по-прежнему остается: Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. Государственные и правовые древности. СПб., 1997. С. 197. Обратим внимание на то, что принцип обязательной коллегиальности высших магистратур, характерный для афинского демократического полиса в целом, на уровне дема не применялся. Не означает ли это, что в рамках демов сохранились, пережив многочисленные перипетии политических реформ и революций, какие-то более архаичные структуры, восходящие едва ли не к гомеровскому периоду (вспомним: «Нет в многовластии блага; да будет единый властитель...» – *Hom.* II. II. 204) и на полисном уровне давно элиминированные?

¹⁵ Примеры формулировок псефисм, принятых на собраниях демов, см. в кн.: Rhodes P.J., Lewis D.M. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997. P. 32–34.

¹⁶ Stanton G.R. The Rural Demes and Athenian Politics // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 217. Очень ясное представление о том, как проводились эти собрания, какие вопросы на них обсуждались, какого рода политические махинации использовались, дает речь Демосфена «Против Евбулида» (*Dem.* LVII. 7 sqq.).

¹⁷ Hansen. The Athenian Assembly... P. 8 ff.

марха представлялись событием более значимым, чем, скажем, выборы стратегов, поскольку эти последние были далеко и не влияли напрямую на положение дел в деме, а демарх являлся фигурой, с которой каждому из сельских жителей приходилось считаться всегда.

В последнее время в англоязычной историографии модно оперировать применительно к полисным условиям категорией «face-to-face society». Встречая это выражение, исследователь, естественно, сразу с предельной ясностью понимает, о чем идет речь, но в то же время неизбежно сталкивается со сложностью, связанной с тем, что чрезвычайно затруднительно (да, пожалуй, и просто невозможно) подобрать сколько-нибудь адекватный русский эквивалент. В дальнейшем мы будем пользоваться для характеристики данной реалии термином «малое сообщество» (такой перевод представляется нам, скажем так, наименее неудачным, хотя тоже не идеальным). Следует сразу оговорить, что к полису в целом определение «малого сообщества» или «face-to-face society» применимо далеко не во всех случаях. Скажем, такой полис, как интересующие нас Афины, где во второй половине V в. до н.э. только гражданское население превышало 40 тысяч человек¹⁸, никак не удовлетворяет этим критериям¹⁹. А вот дем им прекрасно удовлетворяет. Практически все его члены действительно должны были знать друг друга в лицо²⁰, в результате чего политическая борьба в деме не могла не приобретать предельно (и откровенно) личностный характер.

Коль скоро в аттических демах имела место достаточно активная политическая жизнь, в них неизбежно складывалась политическая элита. Можно, таким образом, говорить о двух слоях или уровнях политической элиты демократических Афин: об элите общеполисной, с одной стороны, и об элите локальной, элите демов – с другой. Если первая привлекает пристальное и оправданное внимание исследователей²¹, то вторая и по сей день в полном смысле слова остается в тени. Кто входил в элиту демов, и что источники позволяют сказать об этих лицах? Каково было их происхождение, состояние, политические взгляды, какими механизмами пользовались они для достижения и

¹⁸ *Idem. Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. P. 25* (Хансен говорит даже о 60 тысячах афинских граждан в канун Пелопоннесской войны, что, на наш взгляд, все-таки несколько завышено).

¹⁹ Бесспорно, одним из требований, предъявлявшихся политическими теоретиками к «идеальному» полису было именно знание всеми его гражданами друг друга в лицо (ср. *Hansen M.H. The Hellenic Polis // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000. P. 172*). Однако Афины отнюдь не были ни идеальным, ни даже типичным полисом (о нетипичности и даже исключительности афинского полиса см. *Pognac F. de. La naissance de la cité grecque: cultes, espace et société VIIIe–VIIe siècles avant J.-C. P., 1984. P. 85 ss.*; *Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 75*).

²⁰ На описанном Демосфеном (LVII. 9) собрании дема Галимут присутствовали 73 демота, при том, что решался важный вопрос о проверке гражданских списков. Правда, дело происходило в IV в. до н.э., когда и численность афинян была меньше, чем в предшествующее столетие, да и гражданская активность массы рядового населения, что бы ни говорили, в целом снизилась (в силу профессионализации политической жизни и поступательного превращения этой сферы деятельности в удел специалистов; см. об этом: *Eder W. Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Krise oder Vollendung? // Die athenische Demokratie im IV. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 23*; *Mossé C. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Ibid. S. 67 ff.*). К тому же собрание, о котором идет речь, ввиду своего экстраординарного характера проводилось в Афинах, а не на территории дема, что тоже должно было воспрепятствовать некоторым демотам прибыть на него.

²¹ См. из важнейших работ последних лет: *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989*; *Stein-Hölkeskamp E. Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989*; *Mossé. Op. cit.*; *Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001*.

удержания влияния? Как можно охарактеризовать взаимоотношения элиты демов с рядовыми демотами? На все эти вопросы пока нет ответа, потому что они в сущности еще всерьез не ставились. «Второй слой» афинской политической элиты остается «белым пятном» в наших знаниях, он фактически еще не найден, поскольку его никто не искал.

А между тем обнаружить и описать элиту демов необходимо. Это будет способствовать значительно лучшему пониманию феномена афинской демократии в целом, системно-структурных связей внутри нее. Определенные результаты приносит, конечно, и изучение «верхушки айсберга», которое имеет место на нынешнем этапе антиковедческих штудий, но никогда не следует забывать и о той (несравненно большей) части айсберга, которая скрыта от наших глаз. Приведем некоторые соображения, которые, насколько можно судить, свидетельствуют об актуальности исследования политической элиты демов.

Демы являлись (автор надеется, что читатели простят ему чрезмерно современное выражение) в известном смысле «кузницей кадров» для общеполитических структур. Иными словами, многие политики начинали свою карьеру именно в демах, с тем чтобы впоследствии, набравшись опыта и получив определенную известность, перейти на более высокий уровень²². Правда, это суждение требует некоторых уточнений. С одной стороны, политические лидеры самого первого ранга, происходившие из знатнейших семей, не нуждались в подобной «раскрутке». Аристид или Кимон, Перикл или Алкивиад выступали на арену общественной жизни сразу как деятели государственного, а не локального масштаба. Впрочем, понятно, что таковых было заведомое меньшинство, причем меньшинство незначительное. Нарративные источники по вполне объяснимым причинам уделяют преимущественное внимание именно их судьбам, но нам совершенно не обязательно воспроизводить ту же аберрацию. С другой стороны, бесспорно, были и такие политики, которые в течение всей своей жизни так и оставались в рамках дема, не стремясь ни к чему большему²³. Это был, так сказать, высший возможный для них предел. Однако в целом изучение политической элиты демов может способствовать уяснению ее соотношения с элитой всего полиса.

Укажем и еще на одно обстоятельство аналогичного порядка, о котором отчасти уже упоминалось выше. Если дела общафинские являлись актуальными далеко не для всех граждан (ввиду физической невозможности для многих из них регулярно участвовать в работе экклесии, не говоря о других полисных органах), то дела дема, естественно, были близки каждому. В них чувствовал себя компетентным любой член гражданского коллектива, они воспринимались как нечто свое, родное, как близкая и понятная среда. Соответственно с магистратами дема, с политической элитой дема жители Аттики сталкивались буквально ежедневно, общение такого рода было имманентной частью их повседневной жизни, а элита общеполитическая отнюдь не занимала в ней столь же большого места. Стоит упомянуть в данной связи передаваемый античными авторами (наиболее подробно: *Plut. Arist. 7*; см. также *Her. Arist. 1*; *Plut. Mor. 186ab*; *Philostr. Vita Apoll. VII. 21*) известный эпизод с Аристидом и крестьянином, имевший место в 482 г. до н.э. Некий неграмотный житель одного из сельских демов во время остракизма подошел к политику, прозванному «Справедливым», и попросил его надписать черепок против него же самого, что Аристид немедленно и сде-

²² *Whitehead. Op. cit. P. 313*; *Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 98.*

²³ *Ср. Osborne. Demos... P. 87.*

лал²⁴. При этом выяснилась характерная деталь: оказывается, крестьянин не знал Аристиды в лицо, собственно, поэтому он и обратился к нему с такой просьбой (вот, кстати, прямой аргумент против представлений об афинском полисе как о «face-to-face society»). Итак, лидера общегосударственного масштаба рядовой гражданин не узнал; а возможно ли представить, что он не узнал бы своего демарха? Вопрос представляется риторическим.

Именно дем, а не полис в целом являлся для многих членов гражданского коллектива и привычной средой обитания, и главным местом приложения сил и способностей, в том числе и в общественной жизни. Сам город Афины, где вершились общегосударственные дела, – этот «мегаполис» по меркам классической Греции с его всегдашней суетой и теснотой – представлялся им чем-то чуждым и даже вызывал неприязнь²⁵. Поэтому крестьяне старались посещать его пореже²⁶. Уместно будет процитировать здесь несколько строк труда Фукидида (II. 14–16), посвященных эвакуации жителей сельских демов в Афины, предпринятой в начале Пелопоннесской войны по инициативе Перикла²⁷. «Тяжко было афинянам покинуть насиженные места, так как большинство их привыкло жить на своих полях (ἐν τοῖς ἀγροῖς). Такой образ жизни, более характерный для них, чем для других эллинов (ἑτέρων μᾶλλον), афиняне вели с давних пор... Афиняне еще и до сих пор называют акрополь «городом» (πόλις). Итак, афиняне долго жили на всей своей земле (κατὰ τὴν χώραν) самостоятельными общинами (αὐτονομῶ οἰκίσει)... И для всех них – деревенских жителей – предстоящая перемена в образе жизни была равносильна расставанию с родным городом (πόλιν)»²⁸.

Это свидетельство современника и вдумчивого наблюдателя крайне важно для нас. Из него прямо вытекает, что для деревенских жителей подлинным полисом был их дем. В сущности, лишь перикловская эвакуация впервые привела к настоящему смешению горожан и селян в единый политический организм. Влияние этого события на эволюцию политической жизни в Афинах еще не

²⁴ Мы не касаемся здесь вопроса о том, насколько историчен этот эпизод. В исследовательской литературе встречаются мнения как в пользу его историчности (Harvey F.D. Literacy in the Athenian Democracy // REG. 1966. 79. P. 592), так и против нее (Finley M.J. Politics in the Ancient World. Cambr., 1983. P. 50). Чрезвычайно интересен один найденный на агоре остракон, на котором какой-то, очевидно, не слишком хорошо владевший искусством письма афинянин тщетно пытался вывести имя Аристиды, но эти попытки оканчивались фальстартами, а ниже требуемое имя было написано четким, красивым почерком хорошо грамотного человека. Уж не тот самый ли это остракон? Его публикацию см. Lang M.L. Ostraka (The Athenian Agora. 25). Princeton, 1990. P. 36. Как бы то ни было, если даже признать, что перед нами всего лишь занятый анекдот, он все-таки должен был соответствовать историческим реалиям эпохи. Плутарх и другие авторы не стали бы включать в свое повествование заведомо неправдоподобный рассказ, которому читатели попросту не поверили бы.

²⁵ Ср. самохарактеристику аристофановского Дикеополя (Ach. 33): «испытывающий отвращение к городу и тоскующий по своему дему (στυγὼν μὲν ἄστυ, τὸν δ' ἐμὸν δῆμον τοῦθ' ὅν)». Релевантными в данной ситуации представляются мысли Г.А. Кошеленко о противоречии между полисными и городскими структурами: Кошеленко Г.А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3–27.

²⁶ Горожане платили им взаимностью. В некоторых надписях начала V в. до н.э. жители сельских демов названы ксенами, т.е. чужеземцами (Frost F.J. The Rural Demes of Attica // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 173).

²⁷ О стратегии Перикла в этот период см. Allison J.W. Pericles' Policy and the Plague // Historia. 1983. 32. I. S. 14–23; Ober J. The Athenian Revolution. Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 72–85.

²⁸ Мы пользуемся переводом Г.А. Стратановского, в котором, впрочем, нет терминологической точности (и ἄστυ и πόλις переводятся как «город», хотя эти слова далеко не всегда выступают как синонимы).

оценено по достоинству; не исключено, что по итогам данной работы можно будет попытаться сделать какие-то предварительные выводы на сей счет.

В рамках краткой статьи мы, конечно, никак не можем осветить проблематику, связанную с политической элитой аттических демов, во всей совокупности ее аспектов. Наша задача значительно уже: наметить хотя бы в самом первом приближении наиболее перспективные подходы к изучению этого слоя гражданского коллектива. И прежде всего необходимо попытаться попросту идентифицировать его, что уже само по себе сопряжено со значительными трудностями. Такая идентификация, если она окажется успешной, позволит в дальнейшем более или менее ответственно судить об этих лицах и их деятельности уже не с формальной, а с содержательной стороны. Приходится ограничить и хронологические рамки исследования: преимущественное внимание мы уделим афинскому полису первой половины V в. до н.э., периода ранней классики.

Попытаемся обосновать правомерность обращения именно к этому историческому периоду. Во-первых, в истории демократических Афин он занимает особое место²⁹ и может в полном смысле слова быть охарактеризован как переходный. Он начинается реформами Клизфена, создавшими афинскую демократию, и завершается реформами Эфиальта–Перикла, придавшими ей ее «классическую» форму. И если эти последние реформы действительно со временем повели к преобладанию эгалитарных тенденций в политическом устройстве и вытеснению аристократии из общественной жизни³⁰, то клизфеновские преобразования сами по себе еще не подорвали ведущих позиций аристократической элиты в полисе³¹. Скорее напротив, во времена Греко-персидских войн политика еще в очень большой степени структурировалась вокруг лидеров знатного происхождения. Так было во всяком случае на общегосударственном уровне.

Во-вторых, в связи с тем, что наше внимание привлекает элита демов, элита локальная, первая половина V в. до н.э. тоже оказывается особенно интересной, поскольку этот хронологический отрезок непосредственно граничит с предыдущей, архаической эпохой. В VI в. до н.э., до Клизфена, во внутривосполитической борьбе весьма важное место занимал региональный принцип³². Иными словами, противостояли друг другу представители аристократии основных регионов Аттики (Паралии, Педиси, Диакрии), возглавлявшие крупные группировки своих земляков и сторонников. Большинство знатных родов

²⁹ К общей оценке этого периода истории Афин и его значения см., в числе прочих, следующие работы: *Martin J. Von Kleisthenes zu Ephialtes: zur Entstehung der athenischen Demokratie // Chiron. 1974. 4. S. 5–42; Frost F.J. Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. 1. 2. P. 66–75; Kinzl K.H. Athens: between Tyranny and Democracy // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. В., 1977. P. 199–223; Fornara Ch.W., Samons L.J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991; Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity. A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, с. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993 (эта последняя работа, вопреки своему заголовку, посвящена преимущественно политической борьбе в раннеклассических Афинах).*

³⁰ О реформах Эфиальта–Перикла и их влиянии на положение аристократической элиты см. *Суриков*. Из истории греческой аристократии... С. 24–27.

³¹ Ср. *Brenne. Ostrakismos...* S. 17: после Клизфена персональный состав правящей элиты остался в целом таким же, каким был и до него.

³² Ср. концепцию «регионализма», выдвинутую Р. Сили: *Sealey R. Regionalism in Archaic Athens // Historia. 1960. 9. 2. S. 155–180; idem. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 95 ff.* Нам неизвестны работы более позднего времени, авторы которых безоговорочно приняли бы эту концепцию во всех ее деталях, но в то же время, пожалуй, никто из исследователей не избежал в той или иной степени влияния взглядов Сили. Справедливыми ради следует отметить, что схожие идеи высказывались в отечественной историографии задолго до Сили: *Лурье С.Я.* К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Уч. зап. ЛГУ. № 39. Серия ист. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 73–88.

имело достаточно четкую «привязку» к тому или иному региону, например, Алкмеониды – к Паралии, Лисистратиды – к Диакрии, Этеобутады – к Педее и т.п. (ср. Herod. I. 59; Arist. Ath. pol. 13. 4; Plut. Sol. 29)³³. Можно уверенно утверждать, что и элита «второго уровня» точно так же идентифицировала себя в региональном аспекте (соответственно местам своих главных резиденций). Клисфеновские реформы покончили с этим политическим «регионализмом». После них мы уже совсем ничего не слышим о Педее и Диакрии. Паралия сохранилась и даже увеличилась в размерах³⁴, однако теперь она представляла собой уже не территориально-политическое, а чисто географическое понятие. А что же с элитой аттических регионов? Следует полагать, что она не ушла в небытие. Наиболее видные ее представители стали политиками общеполитического значения, а остальным, наоборот, пришлось «опуститься» на уровень демов. Там-то мы и имеем шанс обнаружить их и их потомков.

В-третьих, – и это представляется особенно важным в контексте настоящего исследования – кажется, теперь в нашем распоряжении есть весьма интересный источник, который содержит (хотя это вроде бы пока еще никем не замечено) информацию по интересующему нас вопросу. Речь идет об острака – надписанных глиняных черепках, которыми афиняне голосовали в ходе проведения остракизма. На сегодняшний день открыто почти 11 тысяч этих памятников; далеко не все они опубликованы, что, естественно, затрудняет работу с ними. К счастью, в самые последние годы положение значительно улучшилось. Если раньше появлялись лишь разрозненные публикации отдельных комплексов острака³⁵, то ныне существует полный каталог имен афинских граждан, фигурирующих на этих «бюллетенях»³⁶.

Без преувеличения можно сказать, что острака – настоящий клад для историка-просопографиста. На них упоминаются, по самым скромным и минима-

³³ Не вполне ясно, каково было место в этой регионально-политической структуре такого влиятельного рода, как Филаиды (ср. Hopper R.J. «Plain», «Shore» and «Hill» in Early Athens // *Annual of the British School at Athens*. 1961. 56. P. 205–206). По некоторым косвенным данным можно полагать, что теснее всего этот род был связан с Диакрией.

³⁴ Это, кстати, довольно сильный аргумент в пользу того, что Клисфен, проводя свои преобразования, не забыл позаботиться о преимуществах для собственного рода. Обычно для подкрепления данного (в основе своей вполне верного) тезиса приводят не слишком-то весомые доводы, указывая на то, что Клисфен распределил Алкмеонидов по двум триттиям филы Антиохиды и т.п. (Lewis D.M. Cleisthenes and Attica // *Historia*. 1963. 12. 1. S. 22–40; Eliot C.W. Where did the Alkmaionidai Live? // *Historia*. 1967. 16. 3. S. 279–286; Bicknell P.J. *Studies in Athenian Politics and Genealogy*. Wiesbaden, 1972. P. 1–53; см. соответственно критику подобных построений: Osborne. *Greece in the Making...* P. 299 ff.). Но при этом часто забывают о более важном – о том, что из трех регионов Аттики Клисфен ликвидировал Педию и Диакрию, но сохранил Паралию, простатами которой издавна считались Алкмеониды. Их связь именно с этой прибрежной областью афинского полиса осознавалась еще во времена Перикла, который назвал одного из своих сыновей Паралом.

³⁵ Важнейшие из этих публикаций: Peek W. *Inscriptionen, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos, 3)*. В., 1941. S. 51–87; Lang. *Op. cit.*; Willemsen F., Brenne S. *Verzeichnis des Kerameikos-Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1991. 106. S. 147–156; Camp J.M. *Excavations in the Athenian Agora: 1994 and 1995 // Hesperia*. 1996. 65. 3. P. 233–234; *idem*. *Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia*. 1999. 68. 3. P. 268–274. О прочих публикациях см. Суриков И.Е. Из истории находок острака в Афинах // Из истории античного общества. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 121–131.

³⁶ Каталог составлен Ш. Бренне. Он существует в двух вариантах: один (Brenne. *Ostrakismos...* S. 87–314) снабжен довольно подробным (впрочем, при этом в значительной мере формальным) просопографическим комментарием, а второй (*idem*. *Die Ostraka (487–ca. 416 v. Chr.) als Testimonien // Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 2002. S. 43–72) скорректирован с учетом новейших находок, но комментарий в нем значительно сокращен.

листским подсчетам, более 150 афинян. Разумеется, лишь незначительное меньшинство из их числа (около 10 человек) было действительно подвергнуто остракизму. Остальные появились на черепках для голосования в известной мере случайно. Никаких конкретных «кандидатур» на изгнание в ходе остракофории, не выдвигалось, и каждый афинский гражданин был волен писать на остраконе по своему усмотрению имя абсолютно любого политического деятеля³⁷. Однако же все эти люди должны были играть какую-то, большую или меньшую роль в общественной жизни: остракон – не артефакт частного характера. По своему хронологическому диапазону комплекс афинских острака практически идеально укладывается в обозначенные выше рамки нашей работы. Подавляющее большинство входящих в него памятников датируется первой половиной V в. до н.э. (480-ми – 460-ми годами); только несколько сот экземпляров можно отнести ко второй половине того же столетия.

Работая с острака, можно без труда заметить, что все лица, чьи имена на них значатся, достаточно четко делятся на три группы. В первую входят те политики, которые известны также по данным нарративной традиции. Это представители общеполитической элиты, лидеры самого высокого уровня. Фемистокл и Аристид, Кимон и Ксантилп, Гилпарх, сын Харма, и Мегакл, сын Гиппократа, – практически все те, кто господствовал в афинской общественной жизни на интересующем нас временном промежутке, упоминаются на черепках для остракизма, и это выглядит вполне естественным.

Ко второй группе относятся те афинские граждане, о которых нарративная традиция сведений не сохранила, но которые тем не менее на основании тех или иных косвенных соображений (в основном ономастического характера) могут быть достаточно четко идентифицированы как представители высшей аристократии. Так, Калликсен, сын Аристонима, безошибочно определяется как член рода Алкмеонидов³⁸. Каллий, сын Кратия (с очень большим количеством направленных против него острака – более 700), принадлежал либо тоже к Алкмеонидам, либо к Керикам (а скорее всего, по различным линиям возводил свое происхождение и к тем, и к другим)³⁹; Гиппократ, сын Анаксила, мог быть Алкмеонидом или Писистратидом⁴⁰, а Тисандр, сын Исагора, несомненно, входил в род Филаидов, и отцом его являлся не кто иной, как известный противник реформатора Клисфена⁴¹. Таким образом, в данном случае перед нами – также представители общеполитической политической элиты, вероятно, несколько менее влиятельные, нежели лица, входящие в первую группу, коль скоро их деятельность не получила отражения в письменных источниках.

Наиболее интересна третья группа, к которой относятся афиняне, абсолютно нам неизвестные и никак не идентифицируемые. По количеству входящих в нее персоналий эта группа весьма значительна и превосходит первые две,

³⁷ Эта точка зрения совершенно справедливо преобладает в историографии: *Reinmuth O.W.* Ostrakismos // *RE. Hdbd* 36. 1943. Sp. 1676; *Raubitschek A.E.* Athenian Ostracism // *Classical Journal*. 1953. 48. 4. P. 116; *Tarkainen T.* Die athenische Demokratie. Zürich–Stuttgart, 1966. S. 111; *Mitchell L.G., Rhodes P.J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // *Greece and Rome*. 1996. 43. 1. P. 26. Иначе считал А. Гомм, который, впрочем, исходил из ошибочного мнения о принадлежности остракизма к категории *vóçoi ep' ávðpí*: *Gomme A.W.* Ostracism // *The Oxford Classical Dictionary*. Oxf., 1949. P. 630. Уже само огромное количество имен на открытых острака говорит явно против наличия заранее выдвинутых «кандидатов».

³⁸ *Stamires G.A., Vanderpool E.* Kallixenos the Alkmeonid // *Hesperia*. 1950. 19. 4. P. 376–390.

³⁹ *Shapiro H.A.* Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. 51. 1. P. 69–73.

⁴⁰ *Idem.* Hippokrates Son of Anaxileos // *Hesperia*. 1980. 49. 3. P. 289–293.

⁴¹ *Phillips D.J.* Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // *ZPE*. 1990. 83. S. 123 ff. О принадлежности Исагора к роду Филаидов см. *Bicknell. Studies...* P. 84–88.

вместе взятые. Зато она уступает им в другом отношении: если граждане, включаемые нами в первые две группы, нередко упоминаются на большом числе острака (десятках, сотнях или даже тысячах⁴²), то для подавляющего большинства представителей третьей группы наблюдается совершенно иная картина: считанные единицы надписанных черепков, порой – один-единственный остракон⁴³. Иными словами, никто из этих афинян не подвергался реальной опасности десятилетнего изгнания. И тем не менее находились-таки сограждане, хотя и в небольшом количестве, которые голосовали против них. Кто же такие эти лица, не оставившие никакого следа в истории афинского полиса и даже, судя по всему, мало кому известные, но в то же время, несомненно, каким-то образом связанные с политической жизнью (повторим, остракон – не частная надпись)? Насколько нам известно, никто еще не пытался дать ответ на этот вопрос.

Практически единственным возможным и при этом непротиворечивым вариантом такого ответа представляется следующий: перед нами – политики, действовавшие не на уровне полиса, а на уровне демов и потому известные только своим демотам. Поясним свою мысль. Остракофория, проводившаяся не чаще раза год, была важным и отнюдь не ординарным событием афинской политической жизни. Насколько можно судить, в ней принимали участие не только городские жители – завсегдатаи обычных народных собраний. Сходились в Афины в этот день даже полуграмотные и в целом совершенно чуждые общественной жизни полиса крестьяне из отдаленных демов⁴⁴. Таким образом, в день остракизма политическая активность гражданского коллектива должна была быть значительно выше, чем на «рутинных» заседаниях экклесии⁴⁵.

В числе пришедших на остракофорию оказывалось немалое количество граждан, которые, сталкиваясь с необходимостью голосовать против кого-либо из политиков, при этом были совершенно или почти незнакомы с деятельностью политических лидеров общеполисного масштаба, имели о ней смутное или превратное представление (здесь самое время вспомнить вышеупомянутый случай с Аристидом и крестьянином). Тем единственным сегментом политической жизни, который был им в деталях известен, являлась политическая жизнь их дема. От этого-то они и отталкивались при своем волеизъявлении, нанося на черепки имена не Ксантиппа или Фемистокла, а тех, чьи дела им были ближе, к кому у них лично имелись какие-либо претензии, скажем, своего демарха, или иного магистрата дема, или просто представителя элиты этой локальной общины. Подобного рода сведение «местных счетов» на общегосударственном мероприятии, что и говорить, свидетельствует о не слишком высоком уровне политической сознательности: не будем забывать о том, что в начале V в. до н.э. демократия делала свои самые первые, не всегда уверенные шаги, демос еще только постепенно привыкал к ведущей роли в полисе. Похоже, в частности, что многими не вполне осознавалась цель самой процедуры остракизма: ведь

⁴² С именем Мегакла, сына Гиппократы, известно более 4400 острака, с именем Фемистокла – более 2200.

⁴³ Ср. *Masson O. Nouvelles notes d'anthroponymie grecque // ZPE. 1992. 91. S. 112.*

⁴⁴ Ср. *Finley. Op. cit. P. 73.*

⁴⁵ См. *Суриков И.Е. Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 19. Д. Филлипс утверждает, что остракофорию вряд ли посещало более 10 тысяч человек (Phillips. Op. cit. P. 136); мы скорее сказали бы, что число присутствовавших на ней редко бывало меньше этой цифры.*

наивно было бы полагать, что политик будет изгнан, если против него подадут 4–5, да даже и 40–50 голосов.

Укажем на одно небезынтересное обстоятельство, которое, возможно, свидетельствует в пользу выдвинутой нами гипотезы. На опубликованном Ш. Бренне остраконе против некоего Истмоника из дема Кофокиды⁴⁶, датированном 480-ми – 470-ми годами до н.э., читаем: τὸν δε[μο]τευτὸν⁴⁷ ἰσθμόνικος⁴⁸ Κοφοκίδης – «Истмоник кофокидянин из числа демотевтов». Кого следует понимать под упоминаемыми здесь «демотевтами»? Лексема δημοτευτής⁴⁹ до сих пор не встречалась ни в нарративных, ни в эпиграфических источниках и соответственно не фигурирует в словарях. Однако ее «семантическая ниша» достаточно ясна: она принадлежит к группе слов с корнем δημ-. Бренне полагает, что перед нами синоним слова δημότης, «демот, член дема», но нам трудно с ним в этом согласиться как по формальным, так и по содержательным соображениям. Во-первых, зачем афинянину, подававшему этот остракон, было употреблять более редкое (и, добавим, более длинное) выражение, если можно было так и написать τὸν δεμότην? Надписи на острака, как правило, тяготели к как можно более кратким формам (вплоть даже до того, что нередко имена, патронимики и демотики просто оставались недописанными): этому способствовали как небольшие размеры черепков-«бюллетеней», так и определенные сложности, связанные с процарапыванием слов на обожженной глине⁵⁰. Во-вторых, что бы могла означать надпись «Такой-то из числа демотов» и с какой целью она могла бы быть нанесена? Демотами являлись все без исключения афинские граждане, поэтому смысл подобного уточнения оказывается нулевым. Все остальные дополнительные приписки на острака (а их не так уж и мало)⁵¹ вполне осмысленны; почему мы должны делать исключение для рассматриваемой здесь? Создается впечатление, что писавший все-таки имел в виду что-то иное.

Грамматически слово δημοτευτής принадлежит к весьма распространенной категории отглагольных существительных на -της, обозначающих действующее лицо (ср. ποιητής < ποιέω, δικαστής < δικάζω, μαθητής < μαθάνω и т.д.). В данном случае в качестве исходного глагола выступает редкий отложительный глагол δημοτεύομαι, который в дошедших до нас текстах (Lys. XXIII. 3; Dem. LVII. 49) обычно переводится «принадлежать к дему, быть демотом». Иными словами, οἱ δημοτευτοί = οἱ δημοτευόμενοι. Однако нельзя ли предположить для глагола δημοτεύομαι также и второе, дополнительное значение,

⁴⁶ Brenne. Ostrakismos... S. 77; *idem*. Die Ostraka... S. 86.

⁴⁷ Genetivus partitivus. Заполнение лакуны представляется вполне надежным. Единственная возможная альтернатива – τὸν δε[κο]τευτὸν – должна быть, как справедливо указывает Бренне, отклонена по соображениям исторического контекста. Δεκατευτής означает «сборщик десятины» (*Harpor.* s.v. δεκατευτής). Десятина взималась с афинян при Писистрате (*Arist.* Ath. pol. 16. 4), но уже в правление его сыновей этот налог был сокращен до одной двадцатой (*Thuc.* VI. 54. 5), а после ликвидации тирании полностью отменен.

⁴⁸ По поводу h в надписях на острака см. *Raubitschek A.E.* (H)abronichos // *Classical Review*. 1956. 6. 3/4. P. 199–200.

⁴⁹ Нам представляется, что ударение должно стоять на последнем слоге, хотя у Бренне – δημοτευτής.

⁵⁰ Об этих сложностях см. *Larsen J.A.O.* The Origin and Significance of the Counting of Votes // *CPh.* 1949. 44. 3. P. 173; *Harvey.* Literacy... P. 592; *Burns A.* Athenian Literacy in the Fifth Century B.C. // *Journal of the History of Ideas.* 1981. 42. 3. P. 382; *Harris W.V.* Ancient Literacy. Cambridge Mass., 1989. P. 54.

⁵¹ Наиболее репрезентативную на сегодняшний день их сводку см. *Brenne.* Die Ostraka... S. 80–141. Эти приписки имеют, как правило, либо экспрессивный, либо инвективный, либо идентификационный характер.

опираясь на параллель с гораздо чаще встречающимся глаголом *πολιτεύω/πολιτεύομαι*⁵²? Этот последний обозначает «принадлежать к гражданскому коллективу, быть гражданином». Однако начиная с классической эпохи у него появляется (особенно в медиальном залоге) еще одно важное значение – «заниматься государственными делами, участвовать в политической жизни». В частности, субстантивированное причастие *οἱ πολιτεύόμενοι* фактически становится техническим выражением, применявшимся к политической элите полиса⁵³ и противопоставлявшей ее «частным», неполитизированным гражданам (*οἱ ἰδιῶται*). Представляется вполне вероятным, что аналогичная эволюция могла иметь место также в случае с глаголом *δημοτεύομαι* и производными от него формами *οἱ δημοτεύόμενοι* и *οἱ δημοτεύοι*.

Итак, мы предполагаем, что первая строка вышеприведенной надписи представляет собой идентификационную приписку, указывающую на принадлежность афинянина, против которого направлен остракон, к слою демотетов (*οἱ δημοτεύοι*) – представителей политической элиты дема. Подчеркнем, что это лишь предположение, а не категоричное утверждение; со временем оно может оказаться доказанным или, наоборот, опровергнутым, что в любом случае не повлияет на степень аргументированности принципиальных тезисов, выдвигаемых в данной работе. Тем не менее кажется удобным впредь по ходу изложения пользоваться термином «демотетвы» для обозначения интересующего нас слоя афинских граждан, естественно, вполне осознавая определенную условность такого обозначения.

Кстати, на примере Истмника, фигурирующего на остраконе, о котором шла речь, уже можно попытаться сделать некоторые выводы о социальном статусе демотетов. Само его имя (переводящееся буквально как «победитель на Истмийских играх») может немало сказать любому исследователю, сталкивавшемуся с проблемами древнегреческой ономастики. Оно явно указывает на то, что семья, к которой принадлежал Истмник, отличалась определенными амбициями. Эти амбиции распространялись на сферу атлетической агонистики, но вряд ли стоит лишний раз напоминать о хорошо известной истине – теснейшей связи спорта и политической жизни в греческом полисном мире⁵⁴. Побеждая на панэллинских состязаниях, индивид тем самым претендовал на значимое место в полисе, как для себя самого, так и для своей семьи. А с другой стороны, обратим внимание на то, что в данном случае проявляемые амбиции – не самого высокого уровня: истмник – все-таки не олимпиец. Такая «скромность» более пристала представителям элиты «второго ранга», элиты демов, а не полиса в целом.

В высшей степени интересен и еще один факт. Известны два остракона с именем Истмника, при этом на одном он назван Истмником из Кофокидов, а на другом – Истмником из Скамбонидов. Ввиду исключительной редкости

⁵² Глаголы *δημοτεύομαι* и *πολιτεύω/πολιτεύομαι*, образованные по одинаковому признаку, вполне соответствуют друг другу: первый из них находится в таком же отношении к *δημός* и *δημότης*, в каком второй – к *πόλις* и *πολίτης*. Встречаются, хотя и крайне редко, формы активного залога от глагола *δημοτεύομαι* (правда, у очень поздних авторов, например, *Theophyl Simoc. Hist. VIII. 7. 10; Theophan. P. 233 de Boor; Cedren. I. P. 678 Bekker*). Это позволяет говорить о глаголе *δημοτεύω/δημοτεύομαι*, что еще больше подчеркивает параллелизм.

⁵³ *Mossé. Op. cit. P. 67*. Правда, К. Моссе, считая термин «элита» не самым неудачным, предпочитает пользоваться словосочетанием «политический класс» (*la classe politique*), что, в свою очередь, не очень хорошо звучит по-русски.

⁵⁴ См. в наиболее аргументированной форме: *Bengtson H. Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974. S. 190–207*. Из отечественных исследований в таких случаях принято ссылаться на ставшую классической работу: *Зельин К.К. Олимпоники и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21–29*.

имени Истмоник в Афинах⁵⁵ не может быть и речи о том, что перед нами два разных лица. Почему же один и тот же афинский гражданин фигурирует в надписях на острака с двумя разными демотиками? Принадлежать одновременно к двум демам он, понятно, не мог. Значит, кто-то из писавших ошибся, но какая причина могла вызвать подобную ошибку? Следует учесть и то, что Кофокиды – сельский дем, а Скамбониды, напротив, принадлежали к городской триттии и находились практически в центре Афин.

В высшей степени убедительным выглядит в данной связи предположение, высказанное Ш. Бренне⁵⁶: Истмоник, семья которого в период клисфеновских реформ жила в деме Кофокиды и соответственно была к нему приписана, впоследствии переселился на «постоянное место жительства» в город, приобретя там дом⁵⁷. При этом по афинским законам он по-прежнему оставался членом дема Кофокиды, должен был участвовать в его политической жизни, приходя на собрания и иные мероприятия из города, и, судя по всему, принадлежал к его элите. Однако знать об этом могли далеко не все сограждане. Кто-то из голосовавших на остракофории, желая подать свой голос против Истмоника, ошибочно посчитал, что тот приписан к тому дему, в котором живет, и нанес на остракон соответствующий демотик.

Есть еще несколько абсолютно аналогичных примеров. Некий Агасий, сын Арксимаха⁵⁸, чье имя встречается в общей сложности на 42 острака⁵⁹ (это довольно много для лица, не принадлежащего к числу наиболее влиятельных политических лидеров), на части этих черепков идентифицирован как принадлежащий к дему Ламптры, а другая часть называет его Агасием из Агрилы. Ситуация здесь точно такая же, как с Истмоником: Ламптры – сельский дем, а Агрила – городской. Афинянин по имени Филокид, сын Фидела, упоминаемый на 20 острака⁶⁰, на одних фигурирует как демот тех же Ламптр, на других – как член городского дема Колон. Очевидно, все эти лица в политических, коммерческих или каких-то иных целях перебравшись из сельской местности в город или его ближайшие окрестности, но при этом продолжали поддерживать связи с демами своих предков. Возможно, к той же группе принадлежит Ахарнион из Ксипеты (3 остракона)⁶¹. Дем, к которому он приписан, относится к группе городских, но в имени этого гражданина вполне явственно аллю-

⁵⁵ Известен из надписи еще один Истмоник, живший ближе к концу V в. до н.э., а также одна-две женщины по имени Истмоника; этим исчерпывается весь афинский материал по данной ономастической единице. См. *Osborne M.J., Byrne S.G. A Lexicon of Greek Personal Names. V. 2. Attica. Oxf., 1994. P. 239.*

⁵⁶ *Brenne. Ostrakismos... S. 171.*

⁵⁷ Переселение состоятельных и политически активных семей из сельской местности в город было характерно практически для всех периодов афинской истории. Оно имело место в архаическую эпоху (*Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 53–55*), зафиксировано также и в IV в. до н.э. (*Hansen. The Athenian Assembly... P. 63–64; idem. The Athenian Ecclesia II. A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 84*). Следует полагать, что та же демографическая тенденция сохранялась и в дальнейшем. Однако со времени клисфеновских реформ реальное место жительства не влияло на принадлежность к дему: демотик передавался по наследству и не мог быть изменен.

⁵⁸ Не исключено, что это тот самый Агасий, который в 479 г. до н.э., незадолго до Платейского сражения, организовал заговор с целью свержения демократии и сдачи Афин персам (*Plut. Arist. 13*). См. *Harvey F.D. The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristides. 13) // Klio. 1984. 66. 1. S. 58–73.*

⁵⁹ *Brenne. Ostrakismos... S. 89.*

⁶⁰ *Ibid. S. 269.*

⁶¹ *Ibid. S. 88.*

зия на крупнейший сельский дем Ахарны⁶²; скорее всего, именно оттуда происходила его семья.

А теперь дадим перечень тех из политиков, упоминаемых на острака первой половины V в. до н.э., которых можно с наибольшей вероятностью отнести к категории демотетов. Помимо вышеупомянутых Истмоника, Агасия, Филокида и Ахарниона в этот перечень входят (в алфавитном порядке): Андрон, сын Андрокла, из Гаргетта⁶³; Антидорид, сын Федонида; Антикрат, сын Гимерака⁶⁴; Аристехм, сын Тимократа; Аристилл; Аристотель, сын Тимократа; Аркесилай из Гагнунта; Архен; Архий; Боон, сын Касона, из Торики⁶⁵; Бриотент из Колона; Бутал из Эны; Буталион из Марафона; Габрон, сын Патрокла, из Марафона; Гапсифилл, сын Тисия; Гегелох из Эрики; Гиерокл, сын Герма...⁶⁶; Диитреф, сын Евфена; Дикей, сын Евномиона; Диогнет, сын Эрготима, из Мелиты; Дионисий, сын Корона; Евалк из Проспалта; Евдик, сын Семиона; Евполид из Тор; Евфрастид, сын Эхена; Идонид из Фалера; Исий из Ои; Калликрат, сын Лампрокла; Каннон, сын Сибиртия; Кидрокл, сын Тимократа, из Крии; Клеибул, сын Никодема; Ксанфий; Ксеноклид из Афидны; Лесподий, сын Спудида, из Кслы; Ликон; Мелант из Ксфисии; Навкрат; Олимпиад, сын Фидела⁶⁷; Олимпий из Гал; Ономаст из Конфилы; Опунтий из Ои; Павсиад с Саламина⁶⁸; Панетий из Агрилы; Панталеонт, сын Гегесия, из Ламптр; Политим из Прасий; Прокл из Евонима; Проксен, сын Тиманакта, из Амфитропы; Симонт, сын Фриней; Феопомп, сын Протия, из Афидны; Феотим, сын Клеена; Филей, сын Деркета; Филипп; Филомел из Пирея; Фитон из Филы; Фрасикл; Фрурарх; Эратилл, сын Каттария; Эретрий; Эхмий, сын Фаррилиона.

Имена перечисленных афинян, повторим, ничего или почти ничего не говорят современным исследователям, но не приходится сомневаться в том, что все они были прекрасно известны их товарищам по демам и, более того, представлялись достаточно влиятельными, чтобы рассматриваться как «кандидаты» на десятилетнее изгнание. Кроме этой мелкой локальной знати⁶⁹, вряд ли

⁶² Masson. Op. cit. S. 113.

⁶³ Семья, к которой он принадлежал, в V в. до н.э. еще малоизвестная, в следующем столетии, насколько можно судить, повысила свое влияние и дала, как минимум, одного видного политика общафинского уровня – Андروتхиона, политического противника Демосфена (XXII речь Демосфена направлена против Андروتхиона) и автора известной «Аттиды» (см. о нем: Pearson L. The Local Historians of Attica. Ann Arbor, 1981. P. 76–86).

⁶⁴ Патронимик не дописан до конца и, скорее всего, искажен.

⁶⁵ На одном остраконе этот Боон охарактеризован как «живущий в Торике» (Θορκῶν οἰκῶν). См. Brenne. Die Ostraka... S. 83. Ш. Бренне полагает, что писавший таким образом желал унижить Боона, приравнять его к метеку: формулировка «живущий в таком-то deme», а не «из такого-то deme» употребляется именно по отношению к метекам, чтобы отличать их от граждан. Однако нам представляется возможным и более простой ход мысли: писавший знал, что Боон проживает в Торике, но не знал (или не был уверен), к какому он приписан дему, и идентифицировал своего «кандидата» как мог.

⁶⁶ Части обоих остраконов против этого лица с окончаниями имени и патронимика не сохранились. Для имени возможны и иные восстановления, например, «Гиероклид».

⁶⁷ Весьма вероятно ввиду совпадения патронимиков, что это родной брат Филокида, сына Фидела, о котором речь шла выше.

⁶⁸ Обратим внимание, что и этот «кандидат» охарактеризован не по месту приписки, а по месту жительства. Саламин – древнейшая и самая ближняя клерухия Афин (иногда ее не вполне точно называют колонией, например: Касаткина Н.А. Солон Афинский и остров Саламин // АКра. Сб. научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 59–70; об отличиях клерухий от колоний «классического» типа см. Romilly J. de. Rencontres avec la Grèce antique. P., 1995. P. 220) – к началу классической эпохи воспринимался как неотъемлемая часть афинского полиса, но статуса deme тем не менее не имел, и жившие на нем граждане, судя по всему, официально числились в различных демах.

⁶⁹ Антикроведы, изучающие имена на острака, справедливо отмечают аристократический статус их носителей: Brenne. Ostrakismos... S. 410; Карпюк. Ук. соч. С. 220–221. Но аристократия, как известно, может быть разного уровня.

широко известной всему полису, можно отнести к демотевтам еще одну группу граждан, на этот раз представителей периферийных ветвей по-настоящему могущественных и влиятельных родов. Приведем несколько примеров.

Имя Мегакл в архаических и классических Афинах как бы маркировало собой принадлежность к Алкмеонидам. Встречая носителя данного антропонима, можно быть практически безоговорочно уверенным, что его носитель принадлежит именно к этому роду. Основные, наиболее активные в общественной жизни семьи, входившие в состав Алкмеонидов, к рубежу VI–V вв. до н.э. проживали в трех городских демах – Алопске, Агриле и Ксипете; соответственно к этим демам они были приписаны Клисфеном и с этими демотиками упоминаются в источниках их самые знаменитые в афинской истории члены. Однако разветвленный род Алкмеонидов включал в себя и другие семьи, которые не претендовали на ведущую роль в общеполитической политике. Эти семьи имели свои резиденции в различных частях сельской Аттики, в особенности в прибрежной зоне – Паралии, которая, собственно, являлась их исконной «вотчиной»⁷⁰.

На острака упоминается целый ряд афинян по имени Мегакл. Самый известный из них – Мегакл, сын Гиппократ, из Алопеки, видный политический деятель начала классической эпохи, в 486 г. до н.э. подвергнутый остракизму (Pind. Pyth. VII. 18 sqq.; Andoc. IV. 34; Lys. XIV. 39; Arist. Ath. pol. 22. 5; Harpocr. s.v. Ἀλκίβιάδης)⁷¹. В его принадлежности к общеафинской элите, к ее самому высокому слою сомнений не возникает. А что с остальными Мегаклами? Для некоторых из них известны демотики: Анагирунт, Анафлист, Ахарны, Эгиялия. Все это – сельские демы, причем три из четырех относятся к Паралии. Перед нами явно Алкмеониды, но Алкмеониды, так сказать, «захудалые», что впрочем, не мешало им играть определенную роль в своих локальных общинах (и не более того). Создается впечатление, что интересующий нас род старался иметь своих людей не только на уровне полиса в целом, но и на уровне отдельных демов: это должно было увеличивать эффективность его политической линии. То же можно сказать и о некоторых других аристократических родах. Так, неизвестные из письменных источников, но упоминаемые на остраке Эантодор из Агрилы⁷², Эсхрей, сын Акесторида⁷³, Кимон из Рамнунта, скорее всего, имеют какое-то отношение к Филаидам.

Возможны ли на основании имеющегося материала какие-либо ответственные суждения о демотевтах, помимо чисто идентификационных? Нам пред-

⁷⁰ См. последнюю по времени работу о местах проживания Алкмеонидов в Аттике: Anderson G. Alkmeonid «Homelands», Political Exile, and the Unification of Attica // *Historia*. 2000. 49. 4. S. 387–412.

⁷¹ Об остракизме Мегакла, сына Гиппократ, см. Bicknell P.J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // *L'Antiquité classique*. 1975. 44. 1. P. 172–175 (с необоснованным, на наш взгляд, предположением о том, что его подвергали этой мере дважды); Culasso Galdi E. Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche*. 1997. 8. 2. P. 253–271 (справедливая критика этой гипотезы); Суриков И.Е. Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // *ВДИ*. 2003. № 2. С. 16–25.

⁷² Носитель этого редкого имени должен был принадлежать к какому-то из аттических родов, возводивших свое происхождение к Аяксу (Эанту), а в числе таковых были как раз Филаиды. О. Массон считает, что имя Эантодор следует связать скорее с филой Эантидой (Masson. Op. cit. S. 115). Однако носитель этого имени, упомянутый на остраконе, скорее всего, родился до создания клисфеновских фил, одной из которых была Эантида (во время остракофорий 480-х годов до н.э. он должен был уже быть взрослым человеком).

⁷³ О его принадлежности к кругу Филаидов см. Brenne. Ostrakismos... S. 93. Имя Акесторид входит в ономастикон этого рода.

ставляется, что да. Прежде всего укажем на следующую немаловажную закономерность. Выше говорилось о том, что имена, встречающиеся на острака, распадаются на три группы: первые две соотносятся с политиками общеполитического масштаба, а третья, самая многочисленная, – с демотевтами. Демотики известны почти для всех представителей первых двух групп (которые для целей нашего анализа вполне могут быть объединены в одну) и для многих граждан, входящих в третью. При сопоставлении их друг с другом обнаруживается ярко выраженный контраст. Для подавляющего большинства членов первых двух групп (и, следовательно, общеафинской политической элиты) фиксируются городские демы приписки. Едва ли не единственным значимым исключением на хронологическом промежутке, охватывающем первую половину V в. до н.э., является Фемистокл, происходивший из сельского дема (Фреарры). Но этот политик и действительно занимал совершенно особое место в афинской истории, насколько можно судить, существенно опередив свое время; он в течение всей своей карьеры держался несколько особняком от старинной городской знати, как известно, видевшей в нем «чужака» и парвеню⁷⁴.

Что же касается группы демотевтов, то в ней мы видим, напротив, значительное преобладание сельских демотиков над городскими. Если взять за основу тот список, который был приведен чуть выше, окажется что 9 афинян входящих в его состав, принадлежали к городским демам и 25 – к сельским (демотики остальных неизвестны). Это обстоятельство позволяет уже делать определенные выводы. Очевидно, власть и авторитет демотевтов были особенно сильны в отдаленной, сельской части Аттики и ослабевали по мере приближения к городу. Последнее вполне поддается объяснению: если для крестьян из какой-нибудь Афинны или Торика, отделенных от Афин несколькими десятками километров⁷⁵ и поэтому бывавших там крайне редко, демотевты как бы воплощали собой всю политическую жизнь, то жители городских и пригородных демов неизбежно были гораздо активнее включены в общеполитические структуры – их кругозор был шире и не ограничивался рамками своей локальной общины.

В то же время самим демотевтам (или во всяком случае некоторым из них), как мы видели, было отнюдь не чуждо стремление обосноваться в городе, при этом сохраняя влияние и в своих демах. Это характеризует их как людей достаточно состоятельных и амбициозных. В их ономастиконе, как он выявляется из приведенного выше списка имен, прослеживаются те же амбиции, впрочем, подчеркнем, все же скорее скромные, чем чрезмерные. Ранее это было показано на примере Истмоника с его редким «атлетическим» именем. Характерно, что в целом в именах и патронимиках демотевтов такого рода спортивная семантика представлена в не очень значительном объеме⁷⁶. В частности, такой типичнейший агонально-аристократический элемент, как *ίπλ-*, в списке

⁷⁴ См. об этом: Суриков И.Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 8. Специальный выпуск. Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 342–364. Недавно из публикаций острака стало известно, что к сельскому дему (Флия) принадлежал также Миронид – видный полководец, участвовавший в Греко-персидских войнах и первой Пелопоннесской войне (*Berli M. Note storiche e prosopografiche agli ostraka di Μυρωνίδης Φλυεύς dal Kerameikós di Atene // Minima epigraphica et papyrologica. 1999. 2. P. 77–109*). Но его вряд ли следует относить к политикам первого ранга.

⁷⁵ Как известно, от Марафона до Афин 42 с небольшим километра, а это отнюдь не самый отдаленный аттический дем.

⁷⁶ Имена Олимпиад и Олимпих не обязательно должны иметь отношение к Олимпийским играм.

практически не представлен⁷⁷. Очевидно, гипотрофию демотефты не практиковали, а если и участвовали в состязаниях, то в менее затратных (и соответственно менее престижных) дисциплинах.

Некоторые имена из интересующего нас комплекса содержат указания на ксенические связи с другими полисами. Так, «Эрстрией» означает буквально «эрстриец»⁷⁸, а Опунтий явно получил имя от Опунта – главного города Восточной Локриды⁷⁹. Все это говорит о том, что перед нами явно не простолюдины, однако опять же обратим внимание на то, каким конкретным способом в данном случае манифестируется ксения. Если блестящие городские аристократы, входившие в общеполитическую элиту, давали детям имена своих столь же знатных ксенов как из греческого, так и из «варварского» мира⁸⁰ (таким образом, в частности лидийское царское имя Крез попало в род Алкмеонидов, а фракийское царское имя Олор – в род Филаидов), то демотефты и здесь поступали скромнее, используя не имена индивидов (очевидно, в данном отношении они мало чем могли похвастаться), а названия общин⁸¹, или же просто фиксируя сам факт ксенических отношений (имя Проксен).

Представляется перспективным осуществить общий анализ имеющегося у нас списка имен демотефтов с точки зрения семантики корней, отражающей определенную систему ценностей. Такой анализ приводит к выводу, который вполне согласуется со сделанными выше: демотефты выступают как слой политически амбициозный, но амбиции его умеренны. Встречаются, но не часто, такие корни аристократического характера, как ἀγ-/ἡγ- (Агасий, Гегелох), ἀνακτ- (Тиманакт), ἀριστ- (Аристехм, Аристилл, Аристотель), ἀρχ- (Арсимах, Архен, Архий, Фрурарх), κολλ- (Калликрат)⁸², κιδ- (Кидрокл, Филокид), κρατ- (Антикрат, Калликрат, Навкрат, Тимократ), τι- (Политим, Тиманакт, Тимократ, Феотим, Эрготим)⁸³. Значительно распространеннее, чем остальные, корень κλε-/κλη- (Андрокл, Гиерокл, Кидрокл, Клеен, Клеибул, Ксеноклид, Лампрокл, Мегакл, Патрокл, Прокл, Фрасикл); не исключено, что этот элемент следует считать особенно типичным именно для демотефтов⁸⁴. Нако-

⁷⁷ Единственное исключение – Филипп, но это имя было настолько распространенным в Афинах и всем греческом мире, что семантике корней в данном случае вряд ли следует придавать существенное значение. О характере имен с корнем ἰλλ- см. Молчанов А.А., Суриков И.Е. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в древнем мире. М., 1999. С. 122 сл.; Карпюк. Ук. соч. С. 202 сл.

⁷⁸ О связи афинских аристократов с эвбейской Эрстрией – городом, процветавшим в эпоху архаики, см. Суриков. Остракон Мегакла...

⁷⁹ Возможно, к той же категории относится и имя Касон (от острова Касос; см. Masson. Op. cit. S. 116).

⁸⁰ См. об этом: Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // CQ. 1990. 40. 2. P. 349–363.

⁸¹ Правда, Филаид Кимон тоже назвал своих сыновей Лакедемонием и Фессалом. Но здесь перед нами – скорее «геополитическая», чем ксеническая ономастика.

⁸² Элемент κολλ- (связанный с гомосексуальными отношениями на симпозиях) совершенно справедливо рассматривается С.Г. Карпюком как один из самых показательных аристократических наряду с ἰλλ- (Карпюк. Ук. соч. С. 205). Весьма характерно в данной связи, что в группе демотефтов этот элемент практически не представлен (один случай). Демотефты явно не получали в юности в подарок вазы с любовными надписями по формуле ὁ θεῖα κολός: недостаточно высок для этого был их социальный статус.

⁸³ Впрочем, корень τι- не обязательно имеет аристократическую семантику. Здесь многое зависит скорее от ономастического контекста: если имена Тиманакт, Тимократ, бесспорно, указывают на знатное происхождение их носителей, то имя Эрготим пристало скорее ремесленнику (ср. гончара, изготовившего «вазу Франсуа»), а имена Политим, Феотим вполне нейтральны.

⁸⁴ Может быть, не лишен связи с этим тот факт, что во второй половине V в. до н.э. имена с корнем κλε-/κλη- были чрезвычайно популярны в среде так называемых «новых политиков» (Клеон, сын Клеонета, Клеофонт, сын Клеипида).

нец, довольно употребителен достойно звучащий, но в политическом отношении абсолютно нейтральный корень εὐ- (Евалк, Евдик, Евномион, Евполид, Евфен, Евфрастид).

Итак, в первой половине V в. до н.э. политические амбиции демотетов были, повторим, еще не слишком далеко идущими и ориентированными скорее на влиятельное положение в своих демах, чем во всем полисе. Собственно, лидерам локальных общин поневоле приходилось умерять свои властные притязания. Они, даже если и хотели, не могли на равных соперничать с блестящими представителями древних и могущественных родов, которые фактически монополизировали все места в «первом эшелоне» общафинской элиты, тем более что как раз в это время среди ведущих аристократов появилось необычайно большое количество ярких и неординарных личностей (от Клисфена и Мильтиада до Перикла и Фукидида, сына Мелесия). Демотетвы были вынуждены в подобных условиях довольствоваться статусом «вечно вторых», своеобразного афинского *ordo equester*. На рассматриваемом хронологическом отрезке элита демов еще не являлась (или являлась в очень незначительной степени) резервом для пополнения элиты полиса. Ситуация стремительно и кардинально изменилась в выгодную для них сторону во второй половине столетия, в послеперикловскую эпоху. Но этот сюжет уже выходит за хронологические рамки работы и будет рассмотрен нами в специальной статье.

А пока попытаемся сформулировать некоторые итоговые соображения общего характера. Справедливо отмечалось⁸⁵, что в реальной повседневности функционирования афинской демократии два значения слова δῆμος неизбежно должны были смешиваться. В какой-то степени это было даже плодотворно для политического дискурса, поскольку порождало новые, незапрограммированные смыслы устоявшихся понятий. В частности, демократия могла осмысляться не только как «власть народа», но и как «власть демов».

Однако такое положение вещей имело и свою оборотную сторону. Демократическое устройство полиса предполагает в качестве одной из важных предпосылок разрушение внутрполисных вертикальных и горизонтальных связей-зависимостей, «атомизацию» общества, его превращение в совокупность отдельных, не связанных друг с другом индивидов, для которых существенно лишь одно политическое отношение – отношение к государству как целому⁸⁶. При отсутствии этой предпосылки полисная демократия в своей по-настоящему развитой форме не могла сложиться, даже если были налицо другие условия, такие, как привлечение к политическому участию широких масс гражданства (как было в Афинах начиная с реформ Клисфена). В качестве аргумента а *сонтра*го можно привести Рим, в котором формированию развитой демократии воспрепятствовала большая прочность традиционных вертикальных связей внутри социума (отношения патрона–клиенты).

Таким образом, как ни парадоксально, наличие в полисе микросообществ политического характера, наиболее значимым из которых был дем, в определенной степени препятствовало разворачиванию всех внутренних потенциалов демократии; эти микросообщества стояли на пути унифицирующей, интегративной тенденции, выразившейся в демократизации афинского государст-

⁸⁵ Osborne. *Demos...* P. 83.

⁸⁶ Eder. *Op. cit.* S. 16–17; Суриков И.Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // *Власть, человек, общество в античном мире.* М., 1997. С. 89–99.

ва⁸⁷. Демы, система, которых была создана Клисфеном в противовес традиционным типам объединений (фратриям и т.п.), чтобы заменить их в политической жизни, довольно скоро и сами стали воспроизводить ту же парадигму, превращаясь в некие «землячества» со своими местническими интересами⁸⁸.

Ситуация, при которой для многих афинских граждан, как упоминалось выше, дела дема отодвигали на второй план дела полиса, а демарх был едва ли не более важной фигурой, чем общеполисный магистрат, могла в конечном итоге привести к возрождению регионального патернализма и подорвать результаты демократических преобразований. Чтобы это не произошло, в ходе дальнейшего развития политической системы классических Афин необходимо было найти некий механизм нейтрализации (или удовлетворения) амбиций элиты демов, интегрировать ее в полисные институты, побудить действовать в интересах целого, а не отдельных его частей.

ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: POLITICAL ELITE OF ATTIC DEMES IN EARLY CLASSICAL PERIOD

(Statement of the Problem)

I. E. Surikov

Deme was one of the most important structural units of the Classical Athenian state. Its institutions imitated those of the polis, including magistrates and assembly. Since there was political life of some kind in Attic demes, one may speak of political elite of the demes as distinct from the polis elite. In the first half of the 5th c. BC this «second-level» elite was not yet in a position to rival traditional aristocratic leaders like Cimon, Xanthippus or Aristides, but it enjoyed great authority in local communities, especially in rural ones and those remote from the city). For a big part of ordinary citizens their demarchs and other members of the deme elite were more important and indispensable than polis magistrates. The principal point of the article is that many of the politicians mentioned on Athenian *ostraka* of the first half of the 5th c. BC belonged to the deme elite. Their demesmen wrote their names on the potsherds simply because these names were much more familiar to them than those of the first-rank polis politicians. An inscription on an *ostrakon* bearing a name of a certain Isthmionicus gives the author grounds to call the members of this deme elite *δημοτεύται*. Analysing relevant material of *ostraka*, he ventures some important conclusions about the status of this stratum among the Athenian citizens. Most *demoteutai* belonged to rural demes: apparently, the inhabitants of urban demes were more actively involved in the work of structures of the whole state, and their horizon was not limited to their local communities. On the other hand, some *demoteutai* migrated to the city while trying to retain influence upon their demes. They were men of some ambition, but rather a moderate one. They participated in Panhellenic games, had guest-friends in other cities and gave noble (though not utterly noble) names to their children.

⁸⁷ Не можем согласиться с точкой зрения, согласно которой укрепление уз между членами полисных микросообществ, в том числе демов, способствовали сплочению гражданского коллектива в целом (Строгоцкий В.М. Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб., 2003. С. 135).

⁸⁸ Из одного места у Лисия (XXIII. 3) можно заключить, что члены разных демов имели в Афинах излюбленные места для неформальных сходов (цирюльни, лавки). Так, члены сельского дема Декелея собирались в «цирюльне у гермов» на агоре.